

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДЕВОЧКА ПО ИМЕНИ РОУЗ

Она всегда знала, что ей суждено покорить лес или же сгинуть в нём. Вот уже двенадцать лет своей жизни Роуз Коффин оттягивала этот момент как могла. Сколько она себя помнила, её голова наполнилась историями о странных вещах, которые происходили в том лесу, что высился неподалёку от её маленького розового дома в самом конце улицы. Деревья нависали прямо над остановкой, на которой она каждое утро ждала автобус. Из лесной чащи доносились леденящие душу звуки, незримо маня к себе. Лес был густым, тёмным и дремучим. Каждая его травинка была пропитана вязким, как живица, ужасом. Девочке рассказывали о том, как там проводились дьявольские ритуалы, челове-

ческие жертвоприношения; о том, как в нём пропадали люди, и даже о том, как их там убивали. Говорили, что поздними ночами в лесу мигал свет, были слышны необычные звуки, витали диковинные запахи. Говорили, что некоторые сходили в нём с ума, а иные, пойдя туда, так и не вернулись.

Но вот она стоит здесь, у самой его опушки, вот-вот готовая войти.

Но почему?

Потому что Сэлли Энн и её подруги попросили её об этом. Вот почему.

Сэлли Энн услышала Роуз, когда та напевала себе под нос, запершись в туалетной кабинке. Роуз предстояло выступить с докладом у доски. Девочка боялась этого больше всего на свете. Она бы скорее позволила бешеным белкам обглодать ей лицо, нежели выступить перед всем классом. Пение — это единственное, что её успокаивало. Это был её защитный механизм, которому она научилась, будучи ещё ребёнком. Научил её этому брат-близнец Гиацинт. Какое-то время это действительно помогало. Но с тех пор, как произошёл несчастный случай, брат не мог быть рядом, и постепенно Роуз становилась всё тише.

— Что это сейчас было в кабинке, Розанчик? — начала Сэлли Энн. Она была выше остальных девочек, её взгляд был направлен на Роуз сверху вниз. — Ты пела! Быть того не может. Я имею

в виду, это было вполне сносно. Я, можно сказать, впечатлена!

Подруги Энн вторили её словам:

— Так ты, оказывается, певица или типа того?

Роуз подняла голову. По глазам Сэлли Энн она пыталась понять, в чём подвох. Часть её — очень большая часть — молила о том, чтобы это было началом чего-то особенного. Она знала, что думать так опасно, но сейчас сердце возобладало над разумом. Слова давались ей с трудом. Они, как всегда, неловко вырывались из губ и устремлялись напрямиком в пол, подобно сквозняку, дующему через плотно закрытые ставни.

— Ну... Я... Да... Вроде...

— Ты же в курсе, что у нас группа? Мы как раз ищем певицу. Хочешь попробовать?

Уже год как Роуз видела листовки их музыкальной группы, расклеенные по всей школе, слышала звуки с другого конца дороги. То был чудесный шум. Вопрос повис в воздухе. Роуз стало дурно. Если бы не стена, она упала бы навзничь.

— Я... Я?

Она поняла, что покраснела, и начала размеренно дышать, пытаясь прийти в себя.

Роуз не нравилось, когда на неё смотрели. Всякий раз, когда это происходило и она очень смущалась — что случалось достаточно часто, если на неё обращали внимание, — её лицо становилось

пунцовым. Поэтому она старалась не выделяться, никогда не выступать и не поднимать руку в классе, иначе она становилась похожей на банку кетчупа. Кто-нибудь обязательно да подмечал это, что заставляло Роуз краснеть ещё сильнее. Она помнила тот день, когда ещё в третьем классе Сэлли Энн дала ей прозвище Розанчик — как раз из-за переменчивого цвета её лица. Тогда это ощущалось как проклятие, которое никогда не спадёт. Это воспоминание жалило до сих пор, но она всегда думала, что, если они с Энн станут подругами, это прозвище может стать чем-то хорошим.

Сэлли Энн кивнула.

— Слушай, я не утверждаю, что мы станем лучшими подружками или типа того, но если ты чертовски хорошо поёшь, то, возможно, сможешь тусить с нами. Будет круто.

Энн окинула Роуз взглядом с ног до головы, её лицо сморщилось от отвращения.

— Но, если это и произойдёт, нам придётся поработать над твоим стилем, а твои волосы познать с расчёской.

Роуз убрала непослушные пряди с лица, поставила одну стопу на другую, пытаюсь спрятать стоптанные кроссовки, поправила рубашку, которая была ей мала. Эти вещи уже стали причиной множества насмешек в её жизни — для неё это было так же естественно, как рассветы или закаты,

только без единого лучика солнца. Может, этому придёт конец?

— Ну?

— Эм, да... так... эээ... Какую музыку вы играете? — Её мысли мельтешили в безумном темпе.

Сэлли Энн выдавила смешок:

— О чём ты, типа регги? Джаз? Не порть всё в первый же момент, Розанчик. Давай просто встретимся в лесу после школы, ладно?

При этих словах в животе у Роуз что-то перевернулось.

— В лесу?

— Да, ну, знаешь, там, где парни постарше гоняют на байках? Вот там. Только об этом никто не должен знать, Розанчик. Сама знаешь, насколько люди завистливы. Вся школа будет ломиться ко мне, умоляя попасть на прослушивание.

«В лесу? — снова пронеслось в голове Роуз. — Обязательно в лесу? Она вообще понимает, о чём говорит? Она сама-то хоть раз там бывала? Они что, все спятили?»

— Могу ли я... то есть... Мы не можем встретиться где-нибудь ещё?

— Ну, мы все дружно можем втиснуться в твой крохотный розовый домик. Осмотримся, заглянем в холодильник. Как думаешь?

Она произнесла это с хитрой усмешкой. Роуз оцепенела. Меньше всего на свете она хотела, чтобы

кто-то вроде Сэлли Энн приходил к ней домой. Это исключило бы любую возможность подружиться с ней. Никто никогда не переступал порог её дома, и что-то подсказывало ей, что Сэлли Энн знала это.

Роуз сильнее прижала учебники к груди:

— Может... где-нибудь ещё?

— Будь в лесу в четыре. Не вынуждай нас стучать в твою дверь.

Когда её подруги уже вышли из туалета, Сэлли добавила:

— Не бойся, Розанчик. Люди умирают там только по ночам.

Сейчас, когда Роуз вглядывалась в чашу, этот разговор всплыл в её памяти. Девочка осознала, что её судьба только в её руках, что она и правда может ею управлять. От неё требовалось лишь сделать шаг.

Сделав три, она сразу же ощутила холод. Стоял тёплый майский день, но Роуз могла поклясться, что из её рта вырывался пар. В груди всё сжалось, дыхание стало тяжёлым. Было такое ощущение, что её лёгкие заиндевели вместе со всеми остальными внутренностями. Её взгляд напряжённо блуждал по деревьям. Всё вокруг замерло, затихло. Лес был недвижимым. Тихим. Мёртвым.

«Не дай этому месту проникнуть в твою голову, — твердила она себе. — Просто найди Сэлли

Энн, и всё станет хорошо. Хоть раз в жизни наберись смелости». После того случая с братом единственным человеком, с которым Роуз могла поговорить, была она сама. Делала она это часто.

Дорогу за спиной уже не было видно, она словно растворилась. Роуз на секунду почудилось, что школа и все её проблемы вдруг исчезли. Лес отобрал их у неё, и это ничуть не успокаивало.

Девочка ступала робко, обхватив руками неуклюжее тело. Она понятия не имела, куда идти. Здесь были тропинки, но они разбегались в разных направлениях. Сердце бешено колотилось в груди.

«Успокойся, — подумала она. — Успокойся, или всё закончится тем, что ты ляжешь на землю и свернёшься в клубок. Люди так и умирают, Роуз. Люди теряются, голодают, падают в какую-нибудь канаву, а потом их съедают звери...»

— Прекрати! — воскликнула она. Затем тихонько огляделась, проверяя, не услышал ли кто, и продолжила вполголоса: — Прекрати. Ты всё делаешь правильно.

Она пошла по тропе. Спустя некоторое время раздался шум. Было похоже на шаги.

— К-кто там? — крикнула Роуз. Эхо её голоса разнеслось во всех направлениях. Её глаза судорожно пытались обнаружить источник шума. «Сэлли Энн? Или старшеклассники? Звук был не похож на байк, Роуз. Кто-то есть здесь, рядом?»

Кто-то тебя преследует, Роуз? Ждёт? Наблюдает? Готовится броситься на тебя? Ты слишком юна, чтобы умирать!»

Паникуя, она не заметила, как начала хныкать. Её руки прижались к груди, ладони стиснулись под подбородком, пальцы задрожали. Снова этот звук. Вглядевшись в чащу, девочка уловила движение.

— Что же это? — её голова закружилась от увиденного, кровь застыла в жилах. — С-Сэлли Энн?

Вокруг неё зашевелились деревья. Виной тому был не ветер. Ветра не было. Ветки не двигались, листья не шуршали. Деревья поднялись из земли и ползли к ней на своих корнях. Лес ожил.

«Это ошибка, — подумала она. — Выдумка. Ты постоянно что-то выдумываешь. А теперь прекрати. Ты не видишь этого. Не видишь!»

Она поспешила прочь по тропинке, оставляя позади и те звуки, и то, что там скрывалось.

Наконец она увидела перед собой небольшой просвет и цветные пятна, выделяющиеся в зелени. Это была Сэлли Энн со своими подругами. Они сидели на стволах упавших деревьев, смеялись и играли в телефоны.

Одна из подруг заметила её, стоящую и наблюдающую за ними. Она тронула Сэлли Энн локтем.

— Ты вовремя, — сказала Энн, вставая.

Роуз растерялась. Видимо, она бродила по лесу всего десять, ну может, пятнадцать минут.

— Ну, Розанчик, не трать наше время. Ты собираешься петь или нет?

Воодушевившись возможностями новой жизни, она совсем позабыла, что ей и правда нужно было что-то спеть. Спеть кому-то. Вот уже три года такого не случалось. Что, если её брат врал насчёт того, как красив её голос? Что, если это было лишь частью той заботы, которой он обещал её всегда окружать? Эти мысли неожиданно врезались в Роуз со скоростью летящего поезда.

— Да. Точно. Разумеется.

Из-за неуверенности она ощутила слабость. Её голос был едва слышен.

— Итак, приступим.

Сэлли Энн с подругами сделали шаг назад. Роуз переступила с ноги на ногу. Её тело обмякло, дыхание давалось с трудом. Лицо вспыхнуло в считанные секунды, сердце заколотилось.

Она запела первое, что пришло ей на ум, — «Зиму» Тори Амос.

Сэлли Энн и остальные недоумённо переглянулись, пожали плечами и ухмыльнулись.

Это была любимая песня отца Роуз. Она вспомнила, как он заботился о ней, как он рассказывал ей об этой песне. С тех пор прошла целая вечность. Теперь, бывало, она не видела его по несколько дней. Когда-то отец научил Гиацинта играть эту песню на фортепиано, и, когда дети оставались

одни, брат учил её петь. Он перебирал клавиши, кивая в такт. Никогда больше Гиацинт не улыбался так, как когда Роуз пела. Втайне от всех в те моменты она воображала себя Тори.

Страхнув с рук дрожь, Роуз сделала глубокий вдох и закрыла глаза. Она приказала себе не открывать их до тех пор, пока не споёт последние строчки.

«Пой так, будто Гиацинт рядом. Пой, будто он слышит». Для Роуз эта песня всегда была о нём.

В тот же миг её голос раскрылся, а строчки запорхали по нотам.

— *Снег может подождать, я позабыл варежки взять.*

Роуз услышала хихиканье. На секунду она распахнула глаза. Она увидела девушек, плящущих на неё с улыбками до ушей. В руках они держали телефоны — они записывали каждую секунду. Испугавшись, она закрыла глаза и продолжила петь. Её голос дрожал и преломлялся, как будто долгое время был заперт, но теперь с каждой нотой обретал силу.

Через минуту смех стал громче. Голос Роуз снова прятался. И теперь она сомневалась, что впрямь сможет его отыскать. Девочка открыла глаза на жестокую правду. Она смотрела, как Сэлли Энн вытирает слёзы, горбясь от смеха, как показывает на Роуз пальцем, раз за разом повторяя, какая она неудачница.

Роуз вздрогнула от обиды, её глаза наполнились слезами. Боль вернулась. «Как ты могла быть настолько глупой?» — подумала она. На неё внезапно навалилась тяжесть, кости налились свинцом, по венам потекла плавленая сталь.

— Это всё... было ложью. — Голос вырывался из неё тонким тихим ручьём. — Целиком и полностью.

Сэлли Энн выпрямилась, вытерла слёзы и приблизилась к Роуз, ввинчивая левую ногу в землю, словно туша сигарету.

— Я — солистка этой группы, Розанчик. Ты действительно поверила, что мы тебя примем? Да мы бы даже гитары носить тебе не дали! Но когда мы сегодня услышали тебя в туалете — боги! — мы должны были это заснять.

Роуз застыла деревом. Сэлли Энн закружила вокруг неё, как дровосек, подыскивающий нужное место сруба. Что она могла с этим поделаться? Сэлли Энн была больше, крепче, за её спиной была целая орава подруг. У Роуз не было ничего.

Они продолжали окружать её, наводя на неё камеры телефонов, гогоча и обзываясь. Впервые Роуз порадовалась тому, что у её родителей не было денег на ремонт компьютера или покупку телефона — по крайней мере она не сможет прочесть комментарии.

Сэлли Энн сложила руки на груди и склонила голову набок: